

Русское слово в мечтах о руке и сердце

Вечеслав Казакевич

*«Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже нам своих милых лад ни мыслию
смыслить, ни думою сдумать, ни очима
съглядати...»*

«Слово о полку Игореве»

В 16 лет я был свято уверен, что никогда не женюсь. Для такого жестокосердного решения у меня имелись веские основания: я собирался стать поэтом, а, по моему мнению, поэт не должен был иметь жены, тем более, сопливых детишек.

Мысль о том, что писатель не должен жениться, вколотила в меня, в книжного юнца, русская литература. Присмотритесь к страницам русской классики: из них густо, как грибы, лезут категорические советы: «Нехорошо художнику жениться. Если служить музе.. так служить ей одной... Еще несчастный брак может способствовать развитию таланта, а счастливый никуда не годится».

И судьбы многих писателей убеждали: литератору семья не к лицу. В собратях холостого Тургенева толпа сочинителей - Гоголь, Лермонтов, Батюшков, Апухтин, Владимир Соловьев, Маяковский в паре с Хлебниковым и тьма прочих.

Впрочем, были писатели, которые только и делали, что вновь и вновь женились. Достаточно вспомнить Есенина с его пятью женами, или Булгакова, у которого их было три. Но не жениться ни разу или постоянно жениться, в сущности, означает одно и то же: жизнь без подлинной семьи.

А сколько анекдотических случаев, связанных с отношением русских писателей к браку! Батюшков, сделав предложение любимой девушке и получив ее согласие, тут же возвращает ее слово назад и впадает в тяжелое психическое расстройство. Полузабытый поэт-футурист Иван Игнатьев вообще покончил с собой в день своей свадьбы. О некоторых моих знакомых, современных московских литераторах, в панике убежавших с собственной свадьбы, рассказывать не буду.

Естественно, отрицательное отношение русских писателей к браку заметнее всего в их произведениях. У большинства героев нашей классики с браком никак не ладится. Влюбляются, но не женятся Онегин, Ленский, Чацкий, Печорин, Чичиков, Обломов, Макар Деушкин, все Карамазовы, Ионыч, булгаковский Мастер, Остап Бендер и другие.

А на тех, кто ухитрился жениться, русская литература чаще всего взирает с брезгливой высокомерностью. Участь женатого мужчины укладывается в пушкинскую формулу: «счастлив и рогат». О, муж в русской литературе непременно жалок, рогат, дурак и к тому же еще подлец! Что-то завистливое и мстительное сквозит в презрении русских писателей к женатым мужчинам.

Безлик, как сосновое полено, муж пушкинской Татьяны; как на подбор отвратительны мужья, описанные Гоголем (исключая Тараса Бульбу, меняющего жену на войну). Неприятен Каренин, дурак дураком муж набоковской Машеньки.

Враждебное отношение к женщине выросло в русскую литературу. Говоря о том, как воспета русская женщина, обычно вспоминают все ту же пушкинскую Татьяну, некрасовских жен-декабристок и его же, умиротворяющих коней и огонь, крестьянок. Но в чем их добродетель? В одной лишь преданности и в силе.

Маловато у нас положительных героинь. Зато не перечислить оплеух, которые роздали писатели женщинам, особенно замужним. Вот Пушкин: «нечисто в них воображенье», «Вы работаете только ножками на балах», «вы, бабы, не понимаете счастья независимости». Стихотворение «Был и я среди донцов» сообщает о том, что муж должен иметь нагайку для супруги. Это стихотворение настолько грубо слеplено – чего стоит балалайка, зарифмованная с нагайкой! – что показывает одно: при предвзятом отношении к кому-либо даже гений срывается в дурной тон.

Вот слова Толстого о жене, которые приводит Бунин: «Ненавижу Софью Андреевну, да и всех женщин! Умру, положат в гроб, закроют крышкой, а я вдруг вскочу, скину ее и крикну Софье Андреевне: «Ненавижу!»».

Вот вежливейший Чехов: «Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу – обыкновеннейший крокодил».

Я говорил о письменном слове, но и наш фольклор демонстрирует враждебное отношение к супруге. Русские пословицы о жене легко свести к одной: «Нет жены – купил бы. Есть жена – убил бы!»

Несомненно, корни подобного отношения к браку уходят в историю. Сыграло свою роль, во-первых, православие, во-вторых, бытовые традиции, о которых мы привыкли судить по «Домострою». На деле положение женщин даже в образованных семьях и в более близкие к нам времена было фантастичнее, чем в скучноватом «Домострое». В 19 веке московский барин Архаров, встречая гостей, говорил: «Чем почтить мне дорогого гостя? Прикажи только, и я жарю любую дочь мою». А Герцен рассказывал, что граф Федор

Толстой «в доказательство меткости глаза велел жене стать на стол и прострелил ей каблук башмака».

Выработке презрения к жене способствовал еще ряд факторов. Толстой записал: «Вся история России сделана казаками». В другом месте: «Казак – по-татарски значит бобыль». Уникальная «русская Спарта» на Днепре (Запорожское казачество), жившая без женщин и презиравшая их, повлияла на сознание не только казацкого сословия. Вся русскую нацию с ее беспрерывными войнами можно назвать нацией по преимуществу военной. А любое военное сообщество всегда оппозиционно женщине. Слова из старой солдатской песни «Наши жены – пушки заряжены!» - не просто поэтический образ. Незавидное место института брака в русской литературе предопределил и жадно нами воспринятый европейский романтизм с его поклонением принцессам и дикаркам и в то же время с широкой усмешкой над семейными парами.

Труднее судить, насколько повлиял на неприязненное отношение к браку, сложившееся в нашей литературе, личный опыт тех, кто создавал произведения, не только отражавшие национальное сознание, но и формировавшие его. Обратимся к семейной жизни трех уже упоминавшихся классиков. Известно: ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов не были особенно счастливы в браке. Но знаменитая фраза Толстого о том, что все счастливые семьи похожи, а каждая несчастливая несчастлива по-своему, тут не работает. В семейной жизни наших трех классиков отыскиваются общие моменты.

Первое: полагаю, они были не просто не очень счастливы в браке, но глубоко несчастны. Все женились уже немолодыми и отнюдь не радовались этому обстоятельству. Все были недовольны своей внешностью. Пушкин называет себя безобразным и сетует на возраст, Толстой рекомендуетя невесте так: «Я старый, необычайно непривлекательный черт». У Чехова свой пунктик. Невесте он пишет: «Я боюсь, как бы ты не разочаровалась во мне. У меня страшно лезут волосы, так лезут, что, гляди, чего доброго, через неделю буду лысым дедом».

Пушкин и Толстой женились на совсем девчонках. Невестой Чехова стала взрослая женщина, но и он был старше ее на 8 лет. Все трое единодушны, когда пишут, за что полюбили своих избранниц. Пушкин любит, когда жена, испугавшись чего-то, жметя к нему, как ребенок. Толстой называет невесту ребенком и замечает: «Люблю я... когда она скажет «Левочка, отчего трубы в каминах проведены прямо?» или: «Почему лошади не умирают долго?» Чехов свою 32-двухлетнюю невесту тоже называет девочкой.

Перед свадьбой Толстой плакал и хотел сбежать. Чехов не сбежал, но признавался: «Ужасно почему-то боюсь венчания, и поздравлений, и шампанского»...

У всех с первых же писем стремление утвердить свое главенство («не 18-летней девушке управлять мужчиной, которому 32 года» - бросает Пушкин) и бесконечные требования. Толстой требует, чтобы жена его любила, как он любит себя. Впрочем, тут же замечает, что не верит в возможность этого. Чехов из Ялты требует писем, посылок с едой и семенами и даже просит прислать ему из Петербурга лодку. Пушкинские письма к жене похожи на военные приказы: «Не таскайся по гуляниям», «не пляши на бале», «требую от тебя холодности, благопристойности», «не ездь верхом» и даже «не читай скверных книг из дядиной библиотеки».

У всех настойчивое желание опростить, депозитизировать образ супруги, внушить ей низкое мнение о самой себе. Пушкин, используя кальку с галантного французского, называет жену «мой ангел», но перед этим ставит задушевно русское слово: «Какая ты дура, мой ангел!» Хваля жену за ум, пишет: «Ты баба умная». Цитирует ей Гальяни: «женщина есть животное слабое и болезненное». Толстой признается, что всегда представляет жену «с своими грудями, кормящую за ширмами». Жена Чехова обижалась, почему он в письмах не называет ее по имени. «Это неумышленно!» - ответил Чехов и продолжал титуловать ее на свой лад. «Девочка» у него быстро превратилась в «бабуню», а дальше началось нечто напоминающее цепь буддистских перевоплощений – «крокодил», «собака», «окунь», «воробьиха», «клопик», «таракаша», «лошадь», какая-то фантастическая «лошадиная собачка» и даже «кашалотик».

У всех, когда они говорят о своем браке и женах с друзьями, грубовато иронический тон. Пушкин: «Надобно бабенку к рукам прибрать!» Толстой – Фету: «Я рад очень, что вы любите мою жену, хотя я ее и меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете –жена. Ходит, - кто такой? Жена». Чехов – Потапенко: «...я женился. Но в мои годы это как-то даже не заметно, точно лысинка на голове».

Все трое испытывают скорое охлаждение к женам, охотно и надолго уезжают от них. Подолгу странствует без жены Пушкин, строча ей: «Не беспокой меня». Толстой чистосердечно признается Софье Андреевне: «Я всегда тебя еще больше люблю, когда от тебя уезжаю». Не менее двусмысленно и другое место: «У нас, милый мой друг, так хорошо, как только может быть без тебя». Книппер-Чехова быстро начинает жаловаться на черствость Чехова. «В чем...я выказываю эту черствость?» - удивляется он и одновременно пишет: «не надо приезжать сюда», «занимайся своим делом, пожить вместе еще успеем».

Самое главное: и Пушкин, и Толстой, и Чехов мучаются – без преувеличения! – маниакальной ревностью, они почти уверены в том, что их жены способны на измену и, возможно, уже изменили им. Пушкин постоянно обвиняет жену в кокетстве «с царем», «с Соболевским», «с женихом княжны Любы», «со всем дипломатическим корпусом!» «Надеюсь, ты передо мною чиста», – пишет он и тут же безнадежно замечает – «искокетничаешься. Вся надежда на Бога да на тетку». Когда жена, не послушавшись его, поехала на бал, восклицает в письме: «если ты и в такой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать»... и ставит многозначительное многоточие. В ярости переходит на площадной язык: «за тобой, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая...» - дальше матерное слово.

Толстой через несколько месяцев после свадьбы записывает: «Она меня разлюбит. Я почти уверен в этом». Дальше еще увереннее: «Она не любила и не любит меня». Невесело читать письма графа, когда его жена и вправду увлеклась композитором Танеевым. Толстой мечется, плачется, предлагает сообще убежать от Танеева за границу, льстит жене: «Соня, голубушка, ты хорошая, добрая, справедливая женщина. Перенесись в мое положение».

Чехов еще до свадьбы пишет: «не изменяй мне». Сомневается в себе: «Крепко тебя целую, хотя, по-видимому, тебе это уже надоело». Просит: «Если ты влюбилась в кого-нибудь, напиши». И успокаивает себя и ее так: «Ты изменяешь мне, потому что... ты человек и женщина». Но после свадьбы его спокойствие, как ветром сдуло. Вот выдержки из разных писем: «не изменяй своему мужу, если можно», «не изменяй мне, собака», «веди себя хорошо».

Самое знаменательное, что наблюдается у всех трех писателей в их взаимоотношениях с женами – неуверенность в себе, неуверенность в том, что жена может их любить и сохранить эту любовь. У Чехова в письме к невесте вырвалась одна примечательная фраза: «Тебе нужен муж с бакенбардами и с кокардой, а я что? Я – так себе» Эта фраза могла принадлежать и Толстому, и Пушкину, хотя у Пушкина имелись собственные бакенбарды, а у Толстого – целая борода.

Вспомним Достоевского писавшего, что в России человек без должности ничего не значит. Вспомним, что профессия писателя в России долго была малопочтенным занятием, и нам станет ясно, что в чеховских словах тайный комплекс неполноценности сочинителя перед человеком в чиновничьей фуражке с кокардой.

А глубже здесь притаился мальчишеский страх перед взрослым (с бакенбардами!), унылая убежденность в том, что взрослый сильнее, то есть инфантильное сознание. Отсюда желание

видеть в жене глупенькую маленькую девочку: инфантильные дети, стремящиеся в лидеры, всегда ищут друзей среди младших. А чуть девочка превращается во взрослую женщину, сразу возникает холодность к ней, желание избавиться от ее общества.

У Диккенса в романе «Приключения Дэвида Копперфильда» герой женится на девушке, которую называет «child-wife». Но Диккенс обрекает ее на смерть и дает герою другую жену, словно говоря, что child не может быть wife. Русская литература напротив затаила и долго лелеяла мечту о «девочке-жене». Набоков нашел свою Лолиту не в Америке. Он получил ее от русских классиков. Увы! И с Лолитой счастья не получилось.

Как видим, на отрицательное отношение к браку в русской литературе повлияли, кроме всего прочего, многие, странно совпадающие черты характера и обстоятельства жизни наших классиков: позднее вступление в брак, неуверенность в себе, нарциссизм, замкнутость на собственной персоне, властолюбие, подозрительность. Но и их жены – у каждой из которой имелись посторонние поклонники, – то есть сами русские женщины повинны в отвращении русской литературы к браку, в презрении к ним самим.

Отталкивание от брака вело русскую литературу, условно говоря, или в монастырь, или в гомосексуализм. Так оно и вышло. С одной стороны, у нас появился Владимир Соловьев и его последователи во главе с Блоком, придумавшие Софию, которую можно было встретить не только на небе, но и на Земле. С другой – выпрыгнул Эдуард Лимонов, издавший свой нашумевший роман под первоначальным названием «Русский поэт предпочитает больших негров». Лимонов не просто смачно прославил гомосексуализм, в его книгах горит ненависть к женщинам, стремление быть их палачом. Но и его не оставляет давняя литературная мечта: и у него в качестве идеала появляется девочка, только он ее называет «девочка-зверь». Критики вслед за самим Лимоновым называют его подростком. Кажется, вся русская литература со своим отношением к браку и к женщине выглядит подростком.

За героинями 19 и 20 века скрылись образы двух жен, явившихся в древнерусской литературе. Возможно, это самые символические образы. Я говорю о Ярославне из «Слова о полку Игореве» и о жене протопопа Аввакума из его «Жития». Ярославна в поэме «плачет в Путивле на забрале». У Аввакума такой эпизод: в ссылке, в Сибири они долго шли по снегу, его жена упала и, не имея сил встать, в отчаянии спросила у мужа:

«- Долго ли еще эта мука будет?»

- Марковна, до самой смерти!

- Добро, Петрович».

И у Ярославны, и у Марковны один удел – мучиться и ждать. Другой судьбы для женщины ни русская литература, ни русская жизнь, как правило, пока не обещают.

Литература:

1. Бунин И. А. «Освобождение Толстого», т. 9, Собрание сочинений в 9 томах, М., «Художественная литература», 1967г.
2. Вяземский П. А. «Записные книжки», М., «Русская книга», 1992 г.
3. Даль В. В. «Пословицы русского народа в 3-х томах», т. 2, М. «Русская книга», 1984 г.
4. Пушкин А. С. «Письма», т. 9, 10, Собрание сочинений в 10 томах, М., «Художественная литература», 1959-1962 гг.
5. «Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», Памятники литературы Древней Руси, М., «Художественная литература», 1980 г.
6. «Тургенев И.С. в воспоминаниях современников», М. «Художественная литература», 1983 г.
7. Толстой Л. Н. «Дневники, письма», Полное собрание сочинений в 22 томах. М., «Художественная литература», 1978г.
8. Чехов А. П. «Письма», Полное собрание сочинений и писем, М., «Наука», 1978 г.